Петербург в произведениях поэтов «Золотого» и «Серебряного» века русской литературы

Виктор Владимирович Меркушев

Петербург в произведениях поэтов «Золотого» и «Серебряного» века русской литературы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24389566
Петербург в произведениях поэтов «Золотого» и «Серебряного» века русской литературы. / Составитель Меркушев В.В.: Знакъ; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-91638-130-6

Аннотация

В книге собраны произведения поэтов, живших в первой трети девятнадцатого века, и тех, чья творческая активность пришлась на конец XIX века и на начало XX. Эти поэты во многом обязаны своей судьбой Санкт-Петербургу, а великий город обязан им своей памятью.

Содержание

Стихи поэтов «Золотого» века 8
От составителя 9
Александр Сергеевич Пушкин 13
Медный всадник. Отрывок 13
Михаил Юрьевич Лермонтов 16
Сказка для детей 16
«Примите дивное посланье…» 18
Сашка 19
Пётр Андреевич Вяземский 20
Петербург 20
Николай Епафродитович Анненков 23
Весна 23
Владимир Григорьевич Бенедиктов 26
Заневский край 27
Анна Петровна Бунина 32
Майская прогулка болящей 32
Фёдор Николаевич Глинка 35
Мечтания на берегах Волги 35
Плавание дней 37
Моё занятие 39
Буря 41
Михаил Данилович Деларю 43
К Неве 44

Город 46
Статуя Перетты в Царскосельском саду 46
Михаил Александрович Дмитриев 48
Лето в столице 48
Василий Андреевич Жуковский 53
Славянка. Отрывок 53
Дмитрий Иванович Хвостов 57
О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября 57
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Петербург в произведениях поэтов «Золотого» и «Серебряного» века русской литературы

В книге использованы фрагменты работ Виктора Меркушева

© Меркушев В.В., составление, 2017
© «Знакъ», 2017

Стихи поэтов «Золотого» века

От составителя

«И в пышный Петроград
Через долины, горы…»

В истории России не было античности, но период первой трети девятнадцатого века стал для неё своеобразным Возрождением, «Золотым веком» русской культуры, как назовут его впоследствии историографы и культурологи. И дело даже не в том, что в поэзии, прозе, живописи и графике обретали новую жизнь гуманистические идеалы античной эпохи – просто в российском обществе произошёл необычайный интеллектуальный и духовный подъём, сказавшийся, прежде всего, на литературе, как самой влиятельной форме национальной культуры.

Наш «Золотой век» фактически сформировал современный литературный русский язык. Ведущую роль в этом сыграла поэзия – поэтические книги наличествовали в каждом дворянском доме, журналы и альманахи издавал всякий сколько-нибудь значимый литератор, стихи записывались в альбомы, ходили в списках, заучивались наизусть.

Создалась особая атмосфера поэзии, в которой жило всё образованное сообщество, когда дух поэзии проникал во все сферы социального устройства, становился определяющим

в поведении отдельных людей и больших групп. Сочинительство, как и сама поэзия, становится явлением модным, практически необходимым. Всё это не могло не сказаться на утверждении культа человеческого достоинства, свободомыслия, на стремлении к просвещению, творчеству и общественному служению. Как писал об этом времени Константин Яковлевич Грот: «Поэзия была ответом на всё».

«Золотой век» русской поэзии совпадает с творческим веком Александра Сергеевича Пушкина, оттого его называют ещё «Пушкинским временем». После Пушкина вектор русской литературы начинает смещаться от поэзии к прозе, но последняя, несомненно, была обязана русскому «Золотому веку». Французский поэт и философ Поль Валери позже назовёт это время «одним из трёх величайших чудес человеческой культуры».

Поэтические шедевры «Золотого века» до сих пор являются непревзойдёнными образцами литературного мастерства, классикой, эталоном совершенства поэтической формы и стиля. Как это ни покажется странным, но поэзия этого времени определила не только горизонты развития, но и значительно повлияла на формирование национальных особенностей носителей языка, того, что нередко называют загадочностью и непостижимостью русской души.

Если период, предшествующий «Золотому веку», с большой долей справедливости можно назвать придворным, то поэзия «Золотого века», в первую очередь, обращена к про-

стому человеку, к его нуждам, к его поиску себя, к его надеждам и к его совести.

Пришедшие на смену классицистической традиции, сентиментализм и романтизм наиболее полно отвечали чаяниям эпохи, когда само чтение становилось творческим актом.

Читатель искал в текстах ответы на серьёзнейшие проблемы своего бытия, ибо литература в условиях цензуры и отсутствия легальной политической жизни являлась единственным способом идеологического и эстетического выражения взглядов. Возможно, этим и обуславливается отсутствие романтического пантеизма и анимизма, несмотря на множество поэтов-романтиков в самом романтическом периоде русской литературы.

В стремлении к широте и грандиозности, поэтическая мысль литераторов «Золотого века» часто не содержала в себе описательного измерения, что приводило к тому, что в их произведениях мы найдём не так много стихотворений, посвящённых Петербургу. Здесь можно провести параллель с искусством живописи, когда такой жанр, как пейзаж, сформировался значительно позже, нежели сюжетная или жанровая картина. Город ещё не получил своей субъектности, воспринимаясь лишь суммой деталей, которые пока не составляли цельного образа. Зато на фоне чисто орнаментальной картины Петербурга или пустынных невских берегов раскрывается тема душевных переживаний поэта, столь близкая для своих современников.

Душой и характером город наделят позднее – другие поэты и времена иные.

В.М.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Великий русский поэт. Создатель современного литературного языка.

Медный всадник. Отрывок

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий,
стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск
безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую

Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы
широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор
балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную
живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом
строю
Лоскутья сих знамён победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в
бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лёд,

Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия…

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Поэт, драматург, прозаик, художник. Творчество Лермонтова отмечено не только высокой гражданственностью, но и глубоким лиризмом, философской наполненностью. Наряду с Пушкиным является классиком русской литературы.

Сказка для детей
Отрывок

……..

Тому назад ещё немного лет
Я пролетал над сонною
столицей.
Кидала ночь свой странный
полусвет,
Румяный запад с новою
денницей
На севере сливались, как
привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные
звуки,
Как грешных снов нескромные

слова,
Неясно раздавались – и
Нева,
Меж кораблей сверкая на
просторе,
Журча, с волной их уносила в
море.

* * *

Задумчиво столбы дворцов
немых
По берегам теснилися как
тени,
И в пене вод гранитных
крылец их
Купалися широкие ступени;
Минувших лет событий
роковых
Волна следы смывала
роковые,
И улыбались звёзды голубые,
Глядя с высот на гордый
прах земли,
Как будто мир достоин их
любви,

Как будто им земля небес
дороже…
И я тогда… я улыбнулся тоже.

…….

«Примите дивное посланье…»
Отрывок

……

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный
ворот
Как шиш торчит перед
тобой;
Нет милых сплетен – всё
сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно, и ново —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

……

Сашка
Отрывок

……..

Я враг Неве и невскому
туману.
Там (я весь мир в свидетели
возьму)
Веселье вредно русскому
карману,
Занятья вредны русскому
уму.
Там жизнь грязна, пуста и
молчалива,
Как плоский берег Финского
залива.

……

Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878)

Поэт, переводчик, литературный критик, историк, государственный деятель. Происходил из древнего княжеского рода. При дворе Императора Александра II пользовался большим влиянием и принимал участие в подготовке его реформ. Награждён многими орденами Российской империи.

Близкий друг Александра Сергеевича Пушкина.

Петербург
Отрывок

Я вижу град Петров
чудесный, величавый,
По манию Петра
воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его
могущей славы,
Потомками его украшенный
стократ!
Повсюду зрю следы великие
державы,
И русской славою след
каждый озарён.

Се Пётр, ещё живой в меди
красноречивой!
Под ним полтавский конь,
предтеча горделивый
Штыков сверкающих и
веющих знамён.
Он царствует ещё над
созданным им градом,
Приосеня его державною
рукой,
Народной чести страж и
злобе страх немой.
Пускай враги дерзнут,
вооружаясь адом,
Нести к твоим брегам
кровавый меч войны,
Герой! Ты отразишь их
неподвижным взглядом,
Готовый пасть на них с
отважной крутизны.
Бегут – и где они? – и
снежные сугробы
В пустынях занесли следы
безумной злобы.
Так, Пётр! ты завещал свой
дух сынам побед,
И устрашенный враг зрел
многие Полтавы.
Питомец твой, громов

метатель двоеглавый,
На поприще твоём расширил
свой полёт.
Рымникский пламенный и
Задунайский твёрдый!
Вас здесь согражданин
почтит улыбкой гордой.

……..

Николай Епафродитович Анненков (1805–1826)

Поэт. Из дворян. Служил в Департаменте Министерства юстиции. Не имея склонности к гражданской службе, перешёл юнкером в Кавалергардский полк. На двадцать первом году жизни утонул в Неве. Единственный стихотворный сборник был издан посмертно его друзьями и родственниками.

Весна

По снегу, ясною порой,
В санях на двойке
быстролётной,
Блистая дужкой золотой,
Не мчится уж корнет залётный;
И ученик с замёрзнувшим
лицом,
Забыв урок, в весёлости
завидной,
Уже реки зеркаловидной
Не режет брызжущим
коньком.
Уже извозчик бородатый

От стужи не дрожит,
И лошади его косматой
Уж иней яркий не сребрит.
Уж вечером вокруг театров
не пылают
Огни трескучие костров:
Не слышно ропота озябших
кучеров,
В каретах сладкий сон
беспечные вкушают.
На Невском рой мужчин,
младых и зрелых дев
В убранстве утреннем толпится,
Под тению замёрзших древ.
Весенним воздухом как
сладостно упиться!
В плаще причудливом бежит
Всех модных чудаков
законодатель,
Учтивых галлов почитатель,
Знакомых дам приветствием
дарит;
За ним толпится рой надменный
Кописто́в жалких и смешных:
Списать оригинал священный.
Вот пара нежных дочерей:
Maman, едва тащась, гулянье
проклинает,
Papa, смотря на платьица

детей,
Модисток в тартар посылает.
Как Лелева прелестна и умна:
С ней вечно две её сестрицы,
У них ужаснейшие лица! —
Оттенка прелести нужна.
Затянут, хлыстиком играя,
Вот щёголь отставной идёт:
Он гордо голову несёт, —
Не тяжела она, пустая.

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873)

Закончил кадетский корпус в Санкт-Петербурге, откуда был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Участвовал в польском походе 1831 года. Выйдя в отставку, поступил в Министерство финансов, дослужившись до директора государственного заёмного банка. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук по отделению русского языка и словесности. Стихотворные сборники Бенедиктова расходились тысячами экземпляров, что для первой трети XIX века было явлением исключительным. «У вас удивительные рифмы, ни у кого нет таких рифм», – говорил о нём Пушкин.

Заневский край

Нева, красавица – Нева!
Как прежде, ты передо мною
Блестишь свободной шириною,
Чиста, роскошна и резва;
Но тот же ль я, как в прежни

годы,
Когда, в обновах бытия,
На эти зеркальные воды
Любил засматриваться я?
Тогда, предчувствий робких
полный.
Следил я взорами твой бег
И подо мной, дробясь о брег,
Уныло всхлипывали волны,
И я под их волшебный шум,
Их вздохи и неясный ропот
Настроил лепет первых дум
И первых чувств любовный
шёпот.

Потом, тоскуя и любя,
Потом, и мысля, и страдая,
О, сколько раз, река родная,
Смотрел я в даль через тебя, —
Туда, на тёмный край столицы,
Туда, где чудная она
Под дланью творческой
десницы
Державной мыслью рождена.
Зачем туда летели взгляды?
Зачем туда, чрез вольный ток,
Убогий нёс меня челнок
В час тихой, девственной
прохлады,

Или тогда, как невский вал
С возможной силой в брег
плескал,
Иль в те часы заповедные,
Как меж гранитных берегов
Спирались иглы ледяные,
И зимний саван был готов?

Зачем?.. Друзья мои, не
скрою:
Тот край – любви моей
страна.
Там – за оградой
крепостною —
Пустынно стелется она.
Там не встречают наши
взоры
Красой увенчанных громад;
Нагнувшись, хилые заборы
В безлюдных улицах стоят;
В глуши разметаны без связи
Жилища смертных,
как-нибудь,
И суждено им в мире грязи
Весной и осенью тонуть.

Но, избалованные други!
Ужели не случалось вам,
Деля обидные досуги

По всем Петрополя концам,
В тот мирный край, хотя
случайно,
Стопой блуждающей забресть?
Туда – друзья – скажу
вам тайну:
Там можно сердце перевесть!
Идиллий сладкие напевы
Там клонят юношу к мечте,
И в благородной простоте
Ещё пастушествуют девы.

……..

О, сколько раз, страна глухая,
По тёмным улицам твоим
Бродил я, трепетно вздыхая,
Сердечной жаждою томим;
Потупя взор, мрачней кладбища,
Тая души глубокий плен,
Бродил я вдоль заветных стен
Алины мирного жилища,
И видел в окнах белый свет,
И всё гадал: зайти иль нет?
Что ж? чем решать
недоуменье? —
Зайду. К чему в святом
стремленье
Себя напрасно побеждать?

Не грех ли сладкое мгновенье
У сердца нищего отнять?
И я был там… Как цвет
эдема,
Моим доступная мечтам,
Она – души моей поэма —
Меня приветствовала там,
Меня в свой рай переносила,
Меня блаженствовать учила:
Страдать – я выучился сам.

Теперь волшебница далёко;
Но и досель отрадно мне
Бродить безлюдно, одиноко
По той пустынной стороне.
Мне там приветней блещет в очи
И полдня пламенный убор
И милый свет созвездий
ночи —
Небес недремлющий дозор.
Земного счастья
отчужденца —
Всё там живит меня досель,
И тешит сердце, как
младенца,
И зыблет грудь, как
колыбель!

Анна Петровна Бунина (1774–1829)

Рано лишилась родителей и воспитывалась в доме своей тётки. Принадлежала к старинному дворянскому роду, из которого позднее вышел знаменитый писатель И.А. Бунин. Первая книга «Неопытная муза» была сочувственно встречена критикой и привлекла внимание Императрицы, назначившей поэтессе пожизненную пенсию. Была активной участницей литературного объединения «Беседы любителей русского слова». В 1821 году вышло трёхтомное издание её сочинений. В последние годы жизни Бунина тяжело болела и почти ничего не писала.

Майская прогулка болящей
Отрывок

.....

Тщетно веете, зефиры!
Тщетно, соловей, поёшь!
Тщетно с запада златого,
Солнце! мечешь кроткий луч
И, Петрополь позлащая,
Всю природу веселишь!

Чужды для меня веселья!
Не делю я с вами их!
Солнце не ко мне сияет, —
Я не дочь природы сей.

Свежий ветр с Невы вдруг
дунул:
Побежим! он прохладит.
Дай мне чёлн, угрюмый
кормчий!
К ветрам в лик свой путь
направь.
Воды! хлыньте дружно с
моря!
Вздуйтесь синие бугры!
Зыбь на зыби налегая,
Захлестни отважный челн!
Прохлади мне грудь иссохшу,
Жгучий огнь её залей.
Туча! упади громами!
Хлябь! разверзись —
поглоти…

Но всё тихо, всё спокойно:
Ветр на ветвиях уснул,
Море гладко, как зерцало;
Чуть рябят в Неве струи;
Нет на небе туч свирепых;
Облак лёгких даже нет,

И по синей, чистой тверди
Месяц с важностью течёт.

Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880)

Поэт, драматург, прозаик. Воспитывался в кадетском корпусе, участвовал в войнах против Наполеона. Был в ссылке в Олонецкой губернии за связь с декабристскими организациями. В 1835 году вернулся в Москву, затем в Петербург. С 1862 года окончательно обосновался в Твери. Был дружен с Александром Пушкиным. Великий поэт всегда тепло отзывался о Глинке, как в критических журнальных статьях, так и в своих письмах.

Мечтания на берегах Волги
Отрывок

…….

Тебя ж, о пышная дочь
Ладоги, Нева!
Я зрел ещё в младенческие
лета;
И, новый гость безвестного
мне света,
Не знал я и имён: сует, забот
и бурь;

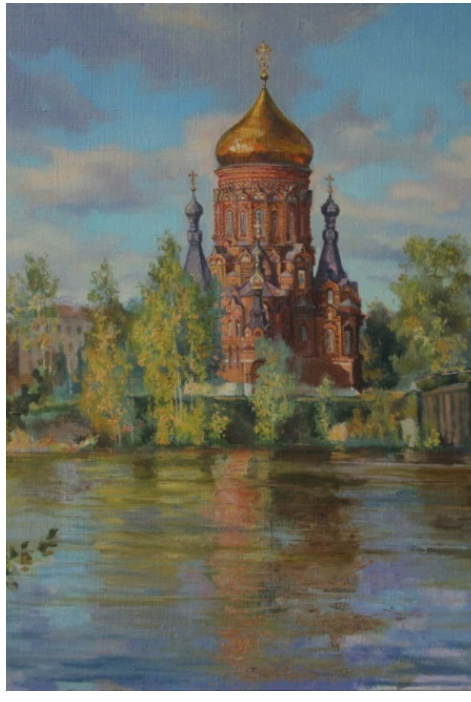
В моей душе веселия лазурь,
Как свод небес, в тебе
изображался…
Ах! в тот златой мой век с
страстями я не знался:
Не плакал от тоски, не думал
крепких дум…
И града пышный вид, смятенья,
звук и шум.
Богатство, слава, честь, блестя,
обворожая,
Мелькали для души, души не
поражая,
И мимо протекли, как сон, как
ряд теней…
Мне жизнь была нова! не
знал я в ней путей,
Не знал, что полон мир
обманов и сетей.
Безбурны детства дни, о
времена златые,
Забуду ль вас? —
О радости святые!
Вы по цветам беспечного
вели,
И сами, как цветы, вокруг
него пестрелись,
Ужели для меня навек вы
отцвели? —

Забавы детских лет, как
птички, разлетелись,
И мой челнок оставил тихий
брег!..

……..

Плавание дней
Отрывок

Всё взморье – серебро
литое!
Погодный день! – и солнце
золотое
Глубоко в зеркале воды
горит!
Уж Петербург от нас, как
пышный сон, бежит:
Чуть видны острова с
зелёными елями,
И домы с флагами, и башни
со шпилями…
На левом береге мелькает
монастырь,



И мыза Стрельная с
дворцом своим белеет;
Кругом по берегам то дачи,
то пустырь;
Вдали Кронштадт и
Сестрорецк синеет…
Спокойствие… погода…
тишина,

И стекловидная поверхность
вод яснеет,
Как ясный слог Карамзина,
Как верная земных событий
повесть,
Как, в чувстве правоты,
светлеющая совесть…

……

Моё занятие
Отрывок

……..

Как весело тут быть
вечернею порой!
Прекрасные места!
прекрасная природа!
На круглом куполе
лазоревого свода
Направо, далеко, за Токсовой
горой,
Садится солнышко…
насупротив луною
Сребрятся облака, летящие
грядой.
Как я любуюсь сей высокой

стороною!
Сады, и фабрики, и куча
деревень,
И в разные края бегущие
дороги…
Так на Олимпе жили боги!
Но здесь не высмотришь
всего за целый день!
Тут нет без красоты
порожнего местечка.
Я вижу ясно Петербург:
Адмиралтейский шпиц горит,
как свечка;
И, в сорока верстах, мелькает
Шлиссельбург.
Ещё… но дунул ветр… стихи
мои упали,
Летят с карниза на карниз,
И голову сломя, я опрометью
вниз, —
Чтоб девушки не прочитали
Карандашом написанных
стихов
И, прочитав их, не сказали:
«Тут мало толку – много
слов».

Буря

Что небо стало без лазури,
И волны ходят по Неве,
И тени облаков мелькают по
траве?
Я слышу приближенье бури.
Я здесь не знаю, что
творится надо мной,
Но близ меня, в щели
стенной,
Уныло ветер завывает,
И он как будто мне о чём-то
вспоминает
И будит давнюю какую-то
мечту.
О ветер, ветер! Ты
свободен, —
Зачем же рвёшься в
тесноту?..
Ах! Если бы я мог, оставя
суету
И в чувствах нов и
благороден,
Летать, как ветер по полям!
И только рано по зарям,
Прокравшись близ тюрьмы

сторонкой,
Несчастным узникам
тихонько
О чём-то милом напевать
И горьких в сладкое
забвенье погружать!..

Михаил Данилович Деларю (1811–1868)

Поэт пушкинского периода. Закончил Царскосельский Императорский лицей. Его стихотворения печатались в различных журналах, в том числе и пушкинском «Современнике». Пушкин находил в поэзии Деларю «много искусства», хотя ценил в ней, в первую очередь, «правильность» и ясность высказывания. Дельвиг был в этом отношении гораздо благожелательнее: «Пишите, милый друг, доверяйтесь вашей Музе, она не обманщица, она дама очень хорошего тона и может блестеть собственными, не заимствованными красотами».

К Неве

Снова узрел я, Нева, твой ток
величаво-спокойный,
Снова, как юная дева в
объятьях любовника страстных,
Ты предо мною трепещешь,

лобзая граниты седые.
Нет, как прежде, ты блещешь
волною кипучей; – но те ли
Думы, то ли веселье на душу
мою навеваешь?..
Много светлых волн умчала
ты в дань Океану…
Много дней незабвенных
ушло в беспредельную вечность.
Помню тот сладостный вечер,
когда над твоими волнами
В горький час разлученья
бродил я с девою милой;
О, как игриво, как шумно
волнуясь, когда протекала
Ты в объятьях высоких
брегов и, казалось,
К гордым гранитам ласкаясь,
шептала им с трепетом звуки,
Сладкие звуки любви
неизменной…
Но что же? уж тучи
Месяца лик покрывали в
трепещущей влаге, и втайне
Мрачно-спокойное недро
твоё зарождало ненастье!
Помню: вот здесь, на устах,
распалённых любовью, пылали
Девы коварной уста;

убедительно, пламенно было
Полное неги её лепетанье…
И что же? Уж в сердце
Девы обман зарождался и
перси изменой дышали…

Город

Холодный свет, юдоль забот,
Твой блеск, твой шум не для
поэта!
Душа его не обретёт
В тебе отзывного привета!
От света, где лишь ум
блестит,
Хладеет сердца упоенье
И, скрыв пылающий свой вид,
В пустыни дикие бежит
Испуганное вдохновенье.

Статуя Перетты в Царскосельском саду

Что там вдали, меж кустов,
над гранитным утёсом мелькает,
Там, где серебряный ключ с

тихим журчаньем бежит?
Нимфа ль долины в прохладе
теней позабылась дремотой?
Ветви, раздайтесь скорей:
дайте взглянуть на неё!
Ты ль предо мною, Перетта?
Тебе изменила надежда,
И пред тобою лежит камнем
пробитый сосуд.
Но молоко, пролиясь,
превратилось в журчащий
источник:
С ропотом льётся за край,
струйки в долину несёт.
Снова здесь вижу тебя,
животворный мой гений,
Надежда!
Так из развалины благ бьёт
возрождённый твой ток!

Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866)

Поэт, критик, переводчик, мемуарист. Камергер, обер-прокурор московского отделения Сената. Чиновничья карьера не приносила Дмитриеву удовлетворения, он считал, что «Отечество требует живых людей, а не бюрократов». Михаил Александрович полагал, что его литературная деятельность более значима и полезна для общества, нежели казённая служба. Среди современников были хорошо известны его сатиры, «талантливые пародии», однако стихотворные произведения Дмитриева особой популярности не имели.

Лето в столице

Всё камни!.. камни стен и
камни мостовых!
В домах защиты нет от
духоты и жара!
Деревья чахлые бульвара
Стоят, как вечный фрунт!
Под мёртвой пылью их
Не видно зелени, нет
свежести – и это,

Столица бедная, ты
называешь лето!

О! сдвинул бы на миг один
Громады зданий сих,
спирающие взоры,

И, мира вольный гражданин,
Открыл бы родины моей
поля и горы,
Гремучие ключи, тенистые
леса
И ночь, столь свежую, как
спустится роса
И напитает воздух чистый
Своею влагою живительной,
душистой.
О лето! то ли ты, как в
юности моей!
Грянь снова надо мной
тогдашнею грозою,

Прекрасною на воле, средь
полей!
Пролей дождь шумный
полосою,
И яркой, полною дугою
Ты, радуга, склонись над
радостным селом!
Пускай овраг гремит и
катится ручьём,
А завтра, солнце лишь
пригрело,
Всё снова ожило и всё
зазеленело!

Здесь солнце – духота!
Прольёт ли дождь порой —
Он смоет с крышек пыль и
мутными ручьями
Бежит в канавах мостовой;
Туман висит над головой,
И грязь, и слякоть под ногами.
Всё шумно и мертво! И
самый божий гром
Неслышно прогремит, где всё
гремит кругом,
Где всё сливается в
бесперерывном шуме —
И экипажей стук, и
продающих крик!..
Здесь людям некогда живой
предаться думе,
И забываем здесь природы
мы язык!

Так жалкий юноша, которого
чужая,
Наёмничья, хотя искусная,
рука
Под небом чуждого
воспитывала края,
Не понимает, Русь святая,
Родной земли твоей родного
языка!

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Поэт, переводчик. Отец поэта – помещик Тульской губернии Афанасий Бунин, мать – пленная турчанка. Избежать участи незаконнорождённого их ребёнку помог Андрей Григорьевич Жуковский, состоявший на содержании семьи Буниных. Он усыновил мальчика, который, тем не менее, жил у своего родного отца в качестве воспитанника. Сначала будущий поэт получил неплохое домашнее образование, а затем закончил с серебряной медалью Московский университетский благородный пансион. В печати дебютировал в возрасте четырнадцати лет. Однако известность к Жуковскому пришла значительно позже, когда он, будучи в ополчении, написал своё знаменитое произведение «Певец во стане русских воинов». Жуковского справедливо считают основоположником романтизма в русской поэзии.

Славянка. Отрывок

……..

И вдруг пустынный храм в
дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругом

кусты седые;
Между багряных лип чернеет
дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое
живёт;
Здесь, к урне преклонясь
задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь
влечёт невольно нас;
Всё в душу тёмное уныние
вселяет;
Как будто здесь оно из гроба
важный глас
Давно-минувшего внимает.

Сей храм, сей тёмный свод,
сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу
обращённый,
Всё здесь свидетель нам,
сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

.....

Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835)

Поэт, один из представителей позднего классицизма. Учился в Московском университете. Состоял как на военной, так и на гражданской службе. Был избран в члены Российской академии. Отличался безудержной страстью к сочинительству, граничащей с графоманией. По всем инстанциям рассылал свои книги, а иногда и собственные бюсты. Пушкина считал своим преемником и давал ему творческие рекомендации, которые, разумеется, поэт не воспринимал серьёзно. Однако в быту Хвостов был скромным и отзывчивым, чиновником был честным и справедливым, всеми силами стремившимся к общественной пользе и процветанию Отечества. Издавал журнал «Друг Просвещения».

О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября

О златострунная деяний
знатных Лира!
Воспламеня певца
безвестного средь Мира,
Гласи из уст его правдивую

ты речь.
Я волн свирепство зрел, я
видел Божий меч.
Владыка бурь восстал и сел
на колесницу;
В Европе славную и первую
столицу

Облёк в унынье он,
неизъяснимый страх;
К могиле близкие, младенцы
в пеленах,
Все видят смерть, все зрят
косы её размах.
Вдруг море челюсти несытые
открыло,
И быструю Неву, казалось,
окрылило;
Вода течёт, бежит, как
жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад
ожесточённых полк,

И с рёвом яростным, спеша
губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и
лодки и элботы;
Растя в мгновение, приливная
гора

Крутит водовики, сшибает катера
И одаль брызгами высоко к
небу хлещет,
На камень, на чугун
бесперестанно плещет.
Екатеринин брег сокрылся
внутрь валов;

Мы зрим, среди Невы стоят
верхи домов;
Непримиримые, бунтующие
волны,
Из ложа выступя,
порабощают стогны;
В частицах мелких пыль от
влаги над рекой
Слилася в воздухе густою
вскоре мглой;
По каменной стезе внезапно
многоводной
Судам тяжёлым путь
уставился свободный.

Там ветры бурные, союзники
реке,
С порывом ухватя плывущих
на доске,
Сокроя от очей предметы им
любезны,

В пределы мрачные свергают
лютой бездны.
Всё тонет, плавает по улице,
рекам,
Спасенья нет коню, пощады
нет волам.
При бурь владычестве лишь
ветры грозно свищут,
Они среди пространств за
добычею рыщут
И, уловя её, бросают наугад;
Там кровля здания, там
корабля снаряд.

Хоромы, с родины снесённые
ветрами,
Стоят на пустырях с
окошками, трубами.
Решётке Бецкого дивился
Альбион;
Через гранит с Невы,
нависнув, плоскодон,
В неё нахлынул, пал и запер
мостовую;
Волнуют ветры снедь и
утварь золотую.
Свободе радуясь, средь
накоплённых вод
Летает огненный, шумливый

пароход;

Но видя мост, дерзнул, – и
путь найдя стеснённый,
Ударился – и стал к нему,
как пригвождённый.
Отважится ли кто, чей может
сильный дух
О смерти бедственной
вещать потомства в слух?
Цветущие красой три юные
девицы
От страха мёртвые лежали
вдоль светлицы,
Хотя в неё ещё не ворвалась
река;
Одна в своей руке держала
голубка,

И смерти вместе с ним
подсечена косою.
Там старец мрачный —
жив – терзался тоскою,
Средь разрушения блуждает
будто тень
И вопиет: «Где ты, любезная
мне сень?
Где дочь и сыновья; где ты,
моя супруга?

Без дома, без детей,
лишённый сил и друга,
Среди печали злой, отчаяния
сын,
Связь с миром перервав,
скитаюсь я один».

Приятность островов
Петрополь украшала,
Окрестности его и Муза
возглашала;
Все быстрое стекло любили
Невских вод
И Феба из морей
торжественный восход.
Но там свирепое явяся
наводненье,
Отягощая мысль, не утешает
зренье.

Пред днём молитвенным
бесплотных в свете сил,
В твой навечерний день,
Архангел Михаил,
С Петрополем в полдни
событие ужасно,
Повсюду зрится вод
скопление опасно.
Хотел могущий Бог нас

гневом посетить,
И в то же время зло
щедротой прекратить;
Водами ополчась по
беспредельной власти.
Он сердце людям дал ценить
других напасти.
Все кинулись к судам, все,
окрылясь, бегут,
Все жизнь, жизнь ближнего,
как жизнь свою брегут;

Текут с стихией в брань,
призвав на помощь Бога,
Сам сердобольный Царь от
высоты чертога,
Покорности к Творцу, любви
к народу полн,
Послал жертв исхищать из
уст свирепых волн.
Посланник воин был, и близ
царя в сраженье
Зрел смерть лицем к лицу,
зрел ужас, истребленье;
Ступя на бурный вал, до
катера достиг,
Схватил его, летел, в час
гибельный и миг
Догнал он водовик, на коем

утопали;
Пусть волны злобные к нему
не допускали,
Мужаясь в подвиге, усердием
горя,
Спас погибающих, – и спас
в глазах Царя.

Коль злополучие Петрополя
известно,
То исцеление, поистине
чудесно,
Ты, лира, огласи на крылиях
молвы
По красным берегам и Волги
и Москвы.
Быть может, возвратясь из
океанов дальних,
Иной, услыша весть о бытиях
печальных,
К речам свидетелей не
преклоняя слух,
Вещает: «Не был здесь
явлений бурных дух,
К Петрополя красе мрак не
касался ночи,
Меня обманывать мои не
могут очи,
Здесь прежний царствует

порядок и покой;
Петрополь осмотря, я был и
за рекой,
На стогнах чистота,
по-прежнему громады,
По-прежнему мосты,
по-прежнему ограды;
Где наводненья след и где
свирепость волн?
Весь град движения, занятий
мирных полн
Кто стогны очищал, где от
хором обломки?
Вулкана древнего
по-прежнему потомки,
С железом ратуя, взялись за
крепкий млат,
Я вижу в мастерских орудиев
снаряд.

Обуревание жестокое природы,
Которое едва ль исправить
могут годы,
Так скоро здесь могло
успехи приобресть,
Что гости за моря отрадную
шлют весть?
Или покрытый град
свирепою водою

Возобновился вдруг
волшебною рукою?»
Ах нет! Петрополь цел от
бедоносных вод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.